

Сержан Биекенов

2050

16+

Сержан Биекенов

2050

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Биекенов С. С.

2050 / С. С. Биекенов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99706-6

В 2050 году мировому порядку грозит новая угроза: на Востоке зародилась могущественная Империя, безжалостно устраняющая всех, кто сопротивляется ее власти. С тех пор прошло полвека, и мир изменился до неузнаваемости. Миллиарды живут под жестоким гнетом имперского режима, в котором любой поступок влияет на их рейтинг благопристойности. Ван Ю, один из самых преданных сотрудников агентства благополучия, следящего за гармонией и порядком в Империи, получает три задания от своего капитана. Неожиданно для себя, во время исполнения ему открываются тайные знания об Империи, покорённых ею народах и его собственной жизни, которые навсегда изменят его судьбу.

ISBN 978-5-532-99706-6

© Биекенов С. С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Гармония	7
Глава 2. Сомнение	17
Глава 3. Отвращение	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сержан Биекенов

2050

Пролог

Будучи журналистом канала «Голос Альянса», последние пять лет я посвятил освещению новостей об Империи, которые с трудом добывал от пограничных военных или имперских перебежчиков. Несколько раз в год самую милитаризованную и длинную границу в мире каким-то чудом пересекали отчаянные сорвиголовы, которых военные Альянса тут же эвакуировали подальше от Империи. Благодаря хорошим связям в руководстве пограничной службы, которые я завел за эти годы, мне первому из всех журналистов предоставлялась возможность поговорить с беженцами и попытаться разузнать об их жизни и текущей ситуации в Империи. Обычно это были люди, лишившиеся всего и боявшиеся участи оказаться в лагерях перевоспитания больше, чем смерти, которая поджидала большинство из них при попытке побега. Как правило, они были чересчур напуганы, чтобы промолвить хоть слово, но доводилось мне слышать и довольно занимательные истории. Но ни одна из них не была более захватывающей, чем рукописи, которые я раздобыл летом две тысячи сотого года.

В тот день я только прибыл на границу и отправился поздороваться с местным капитаном. После обыденной беседы мы закурили, но через несколько секунд капитан в спешке бросил сигарету на землю и побежал к высоченной бетонной стене, защищенной электрическим полем. Вздвигнутый и заинтригованный в предвкушении встречи с новым имперцем, я последовал за капитаном.

Моему взору предстала удручающая картина: из норы, вырытой перебежчиками под стеной, медленно карабкался заляпанный грязью и кровью мужчина. Судорожно разгребая руками землю, он выбрался наружу, его тут же подхватили несколько солдат и положили на носилки. Приблизившись, я увидел, что одежда на беженце была изорвана, из-под рубашки сочилась кровь. Мужчина прохрипел: «Пить», ему тут же подали воды. Жадно осушив флягу, он приподнялся на носилках и безумными глазами оглядел присутствующих здесь десятерых солдат. Казалось, он вот-вот рухнет от потери сил. Но вместо этого с невероятной силой и ловкостью, которых от него никто не ожидал, перебежчик спрыгнул с носилок, отпрянул подальше от нас и потянулся к карману широких брюк. Тут же на него наставили прицелы сразу несколько автоматов, и, казалось бы, ниоткуда в воздухе возникли два военных дрона.

Капитан громко приказал беженцу поднять руки вверх, но вместо этого тот медленно стал доставать что-то из кармана, при этом приговаривая на имперском: «Спокойно. Я не опасен. Это бумага. Всего лишь бумага». Пограничники худо-бедно понимали имперский, и это спасло беженца. Действительно, он достал из брюк залитые его кровью пару десятков листов бумаги. Еще раз окинув взглядом всех присутствующих, он остановил его на мне. Затем медленно, чтобы не насторожить военных, подошел и вручил листки. «Ты не военный. Значит либо медик, либо журналист. Возьми. Прочти», – проговорил он хрипло и стал отступать назад к границе, обильно орошая своей кровью землю под собой. «Что ты творишь? Остановись! Мы можем помочь тебе!» – крикнул капитан, не отводя дуло автомата. Беженец отрицательно помотал головой и продолжал двигаться к границе, а затем, к удивлению солдат, стал снова забираться в нору. Растерянные военные не знали, что делать, и продолжали стоять как вкопанные, пока имперец погружался в землю. Перед тем, как полностью исчезнуть, он посмотрел на меня, и в этом взгляде я увидел насмешку. Насмешку вместе с невероятной злобой. Взгляд имперца, который я вряд ли забуду всю оставшуюся жизнь, был

настолько тяжёлый, что через пару секунд я отвел глаза вниз, а когда поднял их обратно, беженца уже не было видно. Растерянные и озадаченные, мы начали медленно расходиться.

А я сразу же стал жадно читать рукописи, понимая, что скоро военные у меня их конфискуют.

С каждой страницей я понимал, что у меня в руках настоящая находка. Меня охватили противоречивые эмоции: то ликование от количества новой информации об Империи, то ужас от событий, описанных имперцем. Закончив читать, я решил написать книгу, и рукописи имперца послужили основой моего произведения.

Беженец хотел любой ценой поделиться своей историей, и я надеюсь, что каждый, прочитавший ее, будет больше ценить свободу, которую нам, жителям Альянса, удалось сохранить, и не будет оставаться равнодушным к тем несчастным, кто вынужден каждый день проживать под тягостным гнетом режима Империи.

Глава 1. Гармония

– Провинция Каспий нашей великой Империи продолжает показывать передовые результаты! – Гремел над толпой голос губернатора. – Мы добились потрясающего прогресса в орошении наших земель, ликвидации болезней граждан жизнеспособного возраста, уничтожении вредителей на наших полях и рекордно низкой из всех провинций занятости населения, которая за прошлый год упала на целых десять процентов, и теперь лишь чуть более четверти нашего населения вынуждены работать. Большинство заняты делами культуры и просвещения, уходом за детьми, стариками и инвалидами, а также обслуживанием наших десяти суперкомпьютеров, самых мощных компьютеров в мире! Ура, сограждане!

– Ура! – повторила в едином порыве гигантская масса людей, собравшихся на площади Труда и Процветания.

Тут было по меньшей мере полмиллиона человек, и это лишь те, кому посчастливилось получить билет от Министерства гармонии и благопристойности. В одеждах традиционного красного цвета, цвета Империи, они размахивали такими же красными флажками, на которых были вышиты золотыми нитями карты их государства, охватывающего почти треть мира.

– Наши пособия для незанятых граждан – на шестом месте по всей Империи. Ни один человек не умер от голода за последние пять лет! Я встречался с самим Императором, он лично пожал мне руку и вручил медаль за труд и смиренность! – Толпа снова разразилась одобрительным гулом. – Император особо поблагодарил наших создателей сериала «Меч востока» за культивирование патриотизма и благоразумия. «Главный герой сериала – это и есть каждый гражданин Империи, ежедневными поступками и смирением доказывающий правильность выбранного нами пути», такие были слова его Сиятельства. Ян Сяолун, поприветствуй соотечественников! – губернатор обратился к артисту, исполнившему главную роль в сериале.

На сцену вышел молодой человек невысокого роста с сияющей улыбкой и взъерошенными волосами, покрашенными в четыре разных цвета, и это разительно отличалось от довольно стандартных и сдержанных причесок тех, кто был на площади.

Ян Сяолун отправил воздушный поцелуй всем присутствующим и низко поклонился. Позади него появились кадры из фильма «Меч востока», где Ян Сяолун сражался на мечах с дикарями и завоевателями. Толпа взревела громче прежнего. Он пожал руку губернатору и сошел со сцены.

Губернатор продолжил свою речь.

– Не зря именно в нашей провинции снимают такие шедевры! Ведь только вчера были опубликованы результаты индекса благопристойности по всем провинциям, и наш составил четыре целых четыре десятых из шести! Мы вошли в пятерку, сограждане! За год не произошло ни одного развода, ни одного вооруженного ограбления и ни одной демонстрации. Наши новые полицейские дроны превосходят все ожидания и гораздо эффективнее человеческих полицейских по всем показателям. Покрытие городской территории провинции камерами наблюдения составляет девяносто шесть процентов. Неплохо для полутора тысяч квадратных километров! Наши могучие компьютеры, наши камеры, наше Министерство гармонии и благопристойности, наши дроны, наши агенты благополучия и, конечно же, я, ваш преданный губернатор, заботимся о вашей безопасности и спокойствии! – губернатор перевел дыхание. – Однако останавливаться ни в коем случае нельзя. Чтобы достичь максимального индекса, нам нужно проделать еще много работы. И только вместе мы этого добьемся.

Собравшиеся дружно зааплодировали.

– Но нельзя забывать и о наших проблемах. – Голос губернатора понизился, аплодисменты прекратились, и толпа затихла. – Враги не могут спокойно наблюдать за нашим процве-

танием и гармонией. Комитет информации доложил, что в наши восточные провинции попытались проникнуть шпионы завоевателей. Надеюсь посеять смуту на острове Хоккайдо, они попытались устроить бунт среди местного населения и распространяли экстремистские и националистические идеи.

Голос губернатора, до этого звучавший мягко и по-отечески, теперь гремел угрожающе, словно бряцание металла. Толпа продолжала сохранять полную тишину.

– Наши доблестные соотечественники, работающие в местном филиале Министерства гармонии и благопристойности, узнали о проделках врага. Хочу вас обрадовать. Все шпионы найдены и... больше не причинят беспокойства нашему государству. – Раздались приглушенные хлопки. – Конечно, в провинции Каспий нет таких больших проблем, и вы можете подумать, что враги далеко и нас это не касается, но это не так. Знаете ли вы, что только за прошлый год дикарями было совершено более тридцати нападений на наших жителей?

При упоминании дикарей толпа напряженно притихла. Люди слушали, широко раскрыв глаза.

– Вероломные и хитрые, они продолжают представлять угрозу благопристойным гражданам нашей провинции. Последствия могут быть необратимыми! Я призываю всех вас, дорогие мои, сохранять мужество и спокойствие перед лицом врага. При малейшем подозрении вы должны связаться с представителями агентства благополучия, и менее чем через тридцать секунд к вам придут дроны, а вскоре и сами агенты. Поверьте, когда мы едины, ни один враг не выстоит против нашей смиренной нации. Сегодня великий день – ровно пятьдесят лет с того момента, как наша республика была объявлена Империей! Не прошло и года после того знаменательного события, как мы одолели сразу нескольких врагов и присоединили их к себе. Посмотрите теперь на них – они ничуть не менее счастливые, благопристойные и скромные граждане нашей великой страны. Сегодня я призываю подумать о том, что для вас представляет наша Родина, и насколько вам повезло родиться здесь. Так идите же и празднуйте! Мира и процветания!

– Мира и процветания! – вторила толпа. Многие достали красные флажки и стали ими размахивать.

Ван Ю поправил фуражку и направился в сторону от площади. Он знал, что речь губернатора была лишь началом большого празднования, которое продолжится до самого утра. Большинству жителей не было необходимости работать, и они будут бродить вдоль лавок, загромодивших площадь, еще много часов. Но покупать они ничего не будут – в Империи строго запрещена любая торговля. Каждый житель в зависимости от статуса получал определенное количество золотых драконов в месяц. Но тратить их они могли лишь в двух онлайн-магазинах, которые продавали все, что могло понадобиться имперцам и что было одобрено Министерством бережливости.

Дроны и трехмерные принтеры могли изготовить или вырастить любой товар. Однако ассортимент их был на самом деле довольно скудным из-за трех ограничений: нехватки материалов, нехватки орошаемых земель и строгих правил министерства.

Ван Ю недавно смотрел фильм, выпущенный Министерством благоразумия. Действие проходило в конце двадцатого века. В одной из сцен жители города, где жил главный герой, отмечали какой-то праздник. Ван Ю при просмотре удивился, что на улицах и площадях было огромное количество лавочников, которые продавали всевозможные безделушки за бумажные наличные деньги. Насколько же далеко продвинулась цивилизация с тех пор! По крайней мере на территории Империи. Торговля, по его мнению, была глупым и неэффективным процессом. Она способствовала пустым тратам ценнейших ресурсов из-за того, что торгаши по всему миру пытались набить свои карманы и работали поодиночке вместо того, чтобы создавать огромные отлаженные и гармоничные процессы. Еще большее омерзение вызывала мысль о посредниках – всех тех, кто покупал и перепродавал чей-то товар или наживался на чужой беде, а также

тех, кого в том фильме называли банкирами, ритейлерами, брокерами и прочими терминами завоевателей.

Ван Ю шел вдоль рядов с прилавками и никаких торговцев, к своему удивлению, не видел. Жители провинции Каспий играли в маджонг и пайшо, запускали воздушных змеев, кидали бумеранги, покупали еду и напитки в автоматах, которых на площади и вокруг нее были десятки тысяч. Ван Ю подошел к одному и выбрал лапшу с искусственной курицей и напиток, на десятую часть состоявший из натуральных фруктов. На браслете своей правой руки он увидел, что с его счета были списаны полтора дракона. Сегодня он больше есть не собирался, так как плохо рассчитал драконов, и в этом месяце их количество уже подходило к концу. А влезать в кредит и терять баллы индекса благопристойности – последнее дело для агента благополучия. К тому же, это означало бы уменьшение жалования в следующем месяце.

«Нужно меньше тратить драконы на настоящее мясо. Уже триста грамм съел в этом месяце», – подумал он. – «Натуральное мясо – роскошь лишь для Избранных, но даже выращенное в лаборатории искусственное мясо тоже стоит недешево».

Мужчина приблизился к одному из волонтеров, участвовавших в развлечении отдыхающих. Перед тем как заговорить с ним, он снова поправил фуражку и прокашлялся. Наконец он поздоровался.

– Благополучия вам и вашему дому! Поздравляю с великим праздником! Не соизволите ответить на несколько вопросов?

Мужчина лет сорока в строгом костюме с изображением трехглавого дракона выпучил на Ван Ю глаза. В них тот сначала увидел плохо скрываемое презрение. Затем волонтер рассмотрел значок с изображением красного меча на фуражке собеседника, и выражение его лица резко изменилось.

– Вы... вы... из агентства благополучия? Правда?

– Да, – отрезал Ван Ю. – А что? Вас что-то смущает?

– Разумеется, нет! Я просто не ожидал увидеть агента на площади возле своей непримечательной лавочки. – Волонтер явно врал.

– Меня зовут Ван Ю. Я старший агент четвертого уровня. Нас довольно много сегодня на мероприятии. – Он натянуто улыбнулся и снова придал голосу вежливый тон.

– Неужели? Отрадно слышать. Связано ли ваше присутствие с реальной опасностью? Неужели возможно появление... дикарей? – Старший агент слегка поморщился. – Ах да, не хочу показаться грубым. Меня зовут Ляо. Ляо Нин.

Волонтер улыбнулся.

– Нет. Безопасности сегодня абсолютно ничего не угрожает. Была проделана огромная подготовительная работа. Более пятидесяти тысяч дронов летают над нами, и площадь полностью находится под видеонаблюдением. Даже если бы кто-то и попытался совершить неблагоприятный поступок, у него было бы на это не более трех секунд до того, как он будет обезврежен. Никаких острых предметов на площади нет.

– Bravo! Благодаря вам мы, простые жители, спим спокойно и не опасаемся за будущее наших детей. Герои, как вы...

– Наши цели немного другие. – Ван Ю прервал откровенную лесть мужчины. – Мы общаемся с жителями нашей провинции. Узнаем их настроение, их мнения, их мысли...

– Касательно чего? – Ляо Нин еще больше насторожился.

– Касательно вот этого всего. – Старший агент развел руками. – Уровня жизни, деятельности нашего руководства, а также любых других вопросов, которые волнуют граждан. Ведь цель губернатора, Императора и каждого из нас – лишь ваше благополучие. И ради этого... мы готовы на все. Очень отрадно, что волонтеры, такие как вы, поддерживают политику провинции и приходят сюда, чтобы сделать праздник чуточку ярче. Я вижу, что вы показываете свои гончарные изделия. Давно этим занимаетесь?

Собеседник Ван Ю не просто потерял дар речи, но, кажется, еще и онемел. Старший агент выдержал паузу, а затем повторил вопрос.

– Я... Я... Я... очень плохо это делаю. Не так плохо, чтобы портить своими изделиями праздник, но достаточно плохо, чтобы считаться просто любителем. Я делаю это очень давно, с двенадцати лет, но все это время гончар из меня был неважный. Я научился этому ремеслу от отца. Но и он был очень плох! У нас это семейное занятие. Давным-давно мои предки этим зарабатывали на жизнь. Но все без исключения были бездарными в своем деле!

Лишенная логики речь гончара очень позабавила Ван Ю. Он мог бы улыбнуться, но сейчас требовалось немного надавить на собеседника.

– Я, разумеется, не разбираюсь в вашем ремесле, но ваши работы кажутся вполне сносными. Я бы даже сказал, искусными. – Старший агент улыбнулся. – Не возражаете, если я взгляну поближе? – Не дожидаясь ответа, он взял в руки пару небольших горшков и повертел их в руке. – Если бы они продавались нашим государством через Каталог, я бы, возможно, даже приобрел их. Я видел несколько гончарных изделий в Каталоге. Выглядят они, конечно, безупречно. Но теперь, подержав в руках ваши горшки, я понимаю, почему некоторые контрабандисты предпочитают ручную работу трехмерным принтерам. Все эти шероховатости и неровности добавляют уникальности. Жаль, что ручное изготовление товаров для потребления и продажи через Каталог полностью запретили лет тридцать назад. Но наши машины и принтеры гораздо эффективнее используют ресурсы. Значит, выбор очевиден, не так ли, господин Ляо?

– Совершенно верно, – медленно проговорил тот. – Продукция нашего Министерства потребления превосходна. Я очень польщен вашей оценкой моих безделушек, но тем не менее настаиваю на своей бесталанности. Люди приходят сюда, любят мои поделки, мы ведем милые беседы на благопристойные темы, а затем приходят другие люди. Разумеется, мне и в голову никогда бы не пришло заниматься сбытом или обменом.

– Рад это слышать, господин Ляо. Надеюсь, я вас несильно потревожил. Как я и говорил, наша работа заключается в том, чтобы... разговаривать с гражданами Империи. И мне было очень приятно побеседовать с вами. Желаю вам удачи в совершенствовании ваших умений. А касательно ваших горшков – мы, конечно же, знаем, что вы ничего не продаете. Такая неблагопристойность никак не могла бы обойти нас стороной. Ведь камеры, дроны и агенты круглые сутки следят за безопасностью всех наших граждан и вас, в частности. Но если же вы узнаете о ком-либо, занимающемся подобной деятельностью, или чем-то иным подозрительным, пожалуйста, сообщите. Ради этого я добавлюсь в ваши контакты.

Ван Ю засучил правый рукав, обнажив металлический браслет, из которого появилась голограмма дисплея. Старший агент набрал на нем имя собеседника. На дисплее тут же появились его лицо, дата рождения и прочие данные.

– Отлично! Я вас добавил в свой коммуникатор. В любой момент вы теперь можете связаться со мной. – Ван Ю сделал небольшую паузу и улыбнулся. – А я с вами.

Пока, раскрыв рот, господин Ляо подбирал слова, Ван Ю крепко пожал его руку, снова пожелал ему благополучия и быстро удалился.

Последние несколько минут ему было трудно сдержать смех. Волонтер, конечно же, говорил неправду. Несколько человек обменялись с ним на различные продукты питания и одежду. Делали они это дома у Ляо, в туалете, где никаких камер не было (по крайней мере, так думают жители провинции. На самом же деле камеры есть везде, и компьютеры агентства быстро распознали нелегальный обмен).

Ляо происходит из уважаемой семьи, вел себя вполне пристойно. Из-за этого радикальных мер против него не принималось. После предупредительного свидания с агентом благополучия он должен опомниться. Если же такие случаи будут продолжаться, он может попасть в лагерь «Надежда», где занимаются перевоспитанием нарушителей порядка и спокойствия. Его

рейтинг благопристойности будет практически уничтожен. То же касается его подельников, которых также навесят агенты.

Ван Ю пробирался сквозь гигантскую кашу из людей, киосков и лавок, окрашенных в красный цвет. Он то и дело ловил на себе испуганные и удивленные взгляды. Через десять минут он спустился в подземку, ввел на коммуникаторе адрес направления, увидел на дисплее цифру двадцать три. Подойдя к двадцать третьей линии, подождал, пока к нему подъедет небольшая прозрачная капсула на магнитной подушке, вмещающая до четырех человек. Сев в нее, он устремился через запутанные подземные и надземные туннели, изрезавшие весь город. Капсула неслась с бешеной скоростью, и уже через семь минут он прибыл на место.

Выйдя из станции, Ван Ю увидел перед собой колоссальное бетонное здание высотой в пятьдесят этажей, полностью выкрашенное в черный цвет. Оно было построено в форме куба, простиралось на несколько кварталов, и было настолько большим, что внутри можно было передвигаться лишь на специальных картах. Посередине строения находилась небольшая аллея. В центре аллеи возвышалась статуя Императора высотой около двадцати метров. Перед главным входом золотыми буквами было выгравировано: «Административный штаб имперской провинции Каспий». Статую Императора, впрочем, старший агент рассматривать не собирався. Он хотел было зайти внутрь, но из распахнувшейся двери быстрым шагом вышел младший агент. Они столкнулись, и Ван Ю с силой оттолкнул его от себя.

– Смотри, куда идешь, агент!

– Прошу прощения, здоровья желаю, больше такого не повторится! – Парень говорил быстро и невнятно, тяжело дышал. Ван Ю заметил, что часть его рубашки вылезла из брюк.

– Что за позор?! Почему неопрятен? Ты позоришь эту форму, – Ван Ю отчеканил каждое слово строгим голосом. – Приведи себя в порядок! Куда направляешься?

– По срочному заданию, старший агент! Разрешите идти. – Младший агент попятился.

– Не разрешаю. По какому еще срочному заданию? Кто поручил?

– Капитан Цай Лянг. Срочная посылка. Конфиденциальная. – Произнеся последнее слово, он покраснел.

Младший агент стал приводить себя в порядок. Сначала заправил рубашку, затем поправил жилет. И тут из нее вывалился флакон. Младший агент быстро схватил его и попытался спрятать.

– Стоять! – крикнул Ван Ю. – Что во флаконе? Алкоголь?

– Никак нет, старший агент. Обычная вода.

Ван Ю пришел в бешенство. Алкоголь был запрещен в Империи гражданским. Лишь Избранные могли получить любые его сорта, а агенты имели доступ к запасам водки, но ее употребление в рабочее время неизбежно влекло за собой потерю работы. А этот флакон был явно от водки. У Ван Ю дома имелся не один такой, спутать его он не мог.

– Передай мне! – младший агент нехотя подчинился.

Ван Ю открыл его и сделал небольшой глоток. Невероятно! Это на самом деле была вода. Старший агент злобно посмотрел на парня.

– Кто носит воду в таких флаконах? Что за чудак!?! Ступай! – И Ван Ю отвернулся.

– Старший агент, а флакон не вернете? – робко попросил парень.

– Нет. Горло пересохло. Спасибо, что выручил.

Он быстрым шагом направился в здание, сделав еще несколько больших глотков. Зайдя внутрь, Ван Ю вызвал карт и направился на тридцать второй этаж, в отделение Е. Именно там находился его офис. Он представлял собой две совмещенные комнаты площадью около четырехсот квадратных метров с низким потолком, едва не задевавшим макушку Ван Ю. Стены, как и множество рядов столов, были окрашены в серый цвет. Здесь работало около ста сотрудников. Большинство из них в данный момент общались с одним из суперкомпьюте-

ров, выгружали подробные детали предстоящих миссий агентам, предоставляли им всю необходимую разведывательную информацию по каждому делу.

Ван Ю знал, что раньше люди использовали персональные компьютеры как инструменты для своей работы. Теперь же в каком-то смысле люди сами стали инструментами для более мощных компьютеров.

Когда старший агент вошел в офис, никто из одетых в серо-черную униформу коллег не обернулся. Пройдя через несколько рядов, он подошел к своему столу. На его панели светилось изображение Цай Лянг и значок, оповещающий о сообщении. Он посмотрел на сообщение, кивнул и увидел голограмму своего босса, срочно требовавшего старшего агента к себе. Никто, кроме него, это сообщение увидеть или услышать не мог, хотя коллеги находились совсем рядом. Так кодировалась информация в Империи. Сообщение от руководителя пришло на коммуникатор Ван Ю, а это могло означать лишь то, что ему будет поручено особо важное задание. Ну что ж, неплохо. Ему сейчас точно не помешает пара сотен лишних драконов, которые в качестве поощрения он может получить за более сложные миссии.

Проигнорировав несколько посылок, которые ему доставили местные дроны, он зашел в уборную, привел себя в порядок и оттуда направился в кабинет руководителя. На двери висела табличка с надписью «Капитан Цай Лянг, первый руководитель отделения по борьбе с контрабандой агентства благополучия провинции Каспий». Постучавшись, услышал за дверью тихое «войдите», зашел внутрь.

Выглядел кабинет более просторно и уютно, чем главный офис, где работал Ван Ю и другие агенты. Он, конечно, был довольно аскетичен, и ничего непристойного тут быть не могло, однако можно было заметить несколько изделий из дерева, что могли себе позволить лишь Избранные.

Невысокая хмурая женщина, сидевшая за пластмассовым столом, к Избранным относиться не могла, какую бы высокую должность она ни занимала и какие бы заслуги ни имела перед Родиной. Класс Избранных сформировался при создании Империи и был неприкосновенен и закреплен конституцией. Однако она имела гораздо больше привилегий, чем обычный гражданин провинции: более высокое жалованье, просторную квартиру и хоть и редкие, но регулярные приглашения на торжественные вечера и прочие события для Избранных и высших чиновников. Деревянные изделия наверняка были подарками от кого-то из подобных знакомых, а в целом кабинет, стены которого были покрашены в коричневый цвет, был прост, и из прочих предметов здесь можно было увидеть небольшой синтетический коврик, несколько ламп и глиняную вазу.

С виду Цай Лянг было около пятидесяти лет, но Ван Ю знал, что на самом деле она существенно моложе. Годы безупречной службы в агентстве, помноженные на желание казаться старше, давали такой результат.

– Старший агент Ван Ю, рада, что вы увидели мое сообщение. У меня есть час свободного времени. Пожалуйста, доложите о ваших последних заданиях. Затем я проинформирую касательно ваших следующих трех миссий. – Голос начальника Ван Ю можно было охарактеризовать так же, как и ее внешность: сухой, ничем не примечательный и лишенный каких-либо эмоций. Старшего агента, однако, удивило то, что капитан упомянула целых три миссии. – Я уеду в столицу на три недели. Избранные и партия созвали экстренный съезд и хотят обсудить ситуацию касательно дикарей. Я буду продолжать руководить отделением дистанционно, однако все задания на ближайшие три недели я должна скоммуницировать до отъезда. Поэтому вы их получите сразу три. А теперь доложите статус.

– Капитан Цай Лянг, оба задания выполнены успешно. Торговец горшками получил наше сообщение. Это почти не заняло моего времени. С комедиантом пришлось сложнее. Я опросил каждого из тех, кто посещал его вечера, и все как один утверждали, что подозреваемый проводил сессии по освещению и восхвалению деятельности партии. И говорили они правдопо-

дно. Внутри дома, где он живет, есть подвал, где и проводились преступные действия. В том подвале не было камер. Дроны, к сожалению, незаметно туда проникнуть не смогли бы. Лишь соседи имеют ключи к подвалу, но и они утверждают, что ничего не знают ни о каких вечерах. Среди них наверняка есть соучастники, все подробно изложено в рапорте, сегодня вышлю его вам. – Цай Лянг молча кивнула. – Никто из посещавших вечера не включал свои коммуникаторы и не приносил какие-либо другие электронные устройства, через которые мы бы могли их прослушать. Как я и говорил ранее, считаю, что разрешение обычным гражданам отключать коммуникаторы до сорока пяти минут в день – это привилегия, которая нам дорого обходится.

– Старший агент Ван Ю, прошу не отвлекаться. Мы здесь, чтобы обсудить результаты вашего расследования, а не критику властей.

– Простите, капитан. Я не это имел в виду, больше не повторится. Я решил посетить один из вечеров, и, разумеется, все время мы провели за прославлением нашей партии и мирными дискуссиями. Комната в подвале была абсолютно пустой, и жучок установить не представлялось возможным. К нашему приходу они явно были готовы. Перед тем, как прибегнуть к более радикальным мерам в допросах соучастников, я решил испробовать еще один метод. Он не совсем... стандартный. Я заметил, что одна из соучастниц принесла с собой на вечер маленькую сумку. Через камеры наблюдения, установленные в ее квартире, я убедился, что она регулярно берет с собой сумку, выходя из дома. Я незаметно, ночью пробрался в ее квартиру и прикрепил прослушивающий жучок внутрь сумки. Благодаря этому удалось записать выступления. В результате были задержаны все соучастники. Их до сих пор допрашивают, ко многим применяют одобренные пытки, мы получили много полезной информации. Возможно, такие собрания в провинции не единичны, предлагаю вам просмотреть рапорт. Может быть, нам стоит навестить еще несколько домов?

– Хорошо, Ван Ю, очень хорошо. Что именно преступники обсуждали в подвале? Кто или что было предметом их шуток?

Ван Ю немного помедлил и нахмурился.

– Это были разные темы. Партия, Избранные, наше агентство, а также Император. – Капитан приподняла одну бровь, но ничего не сказала. – Они сравнивали его с персонажем какого-то старого мультфильма завоевателей. Кажется, Винни-Тух.

– Винни-Пух, – быстро поправила его капитан и сжала губы. В комнате воцарилась напряженная и неловкая тишина. – Вы постарались и сделали все, что могли. Теперь перейдем к новым заданиям. Можете присесть.

Цай Лянг жестом пригласила его сесть на один из двух свободных стульев, и когда старший агент послушно сел, продолжила.

– В первую очередь вам нужно будет нейтрализовать действия продавца медиапродукции. Некий господин Фен продает копии старых фильмов и книг иностранного производства в десятом секторе. Думаю, говорить о том, одобрены ли они Министерством гармонии и благопристойности, излишне. Он, или его семья, сохранили эти запрещенные предметы с доимперских времен. Вам следует уничтожить всю продукцию, включая уже проданные экземпляры, и произвести необходимые аресты. Если подозреваемый будет сопротивляться, вы имеете право на радикальные решения. – Ван Ю кивнул. – А теперь хорошие для вас новости: для исполнения второго задания вы отправитесь во Двор.

Капитан постаралась изобразить на лице доброжелательную улыбку, но вышла скорее злая усмешка.

– Юная особа Замира двадцати двух лет работала танцовщицей и ублажительницей во Дворе. Ранее она не имела проблем с законом, но три дня назад обнаружилась пропаша лекарств у господина Пина. Такие лекарства доступны только Избранным, они помогают им достигать долголетия. Замира работала у господина Пина всю свою жизнь, но его семья уверена, что воровка она, хотя камеры момент кражи не засняли. Видимо, он не очень скрупулезно

относится к хранению таких малодоступных препаратов. Замира продолжает работать и делает это с еще большим старанием, чем когда-либо, по словам семьи Пин. – Капитан прокашлялась. – У нее есть престарелая бабушка, ей уже перевалило за восемьдесят. Это значит, что она перестала получать государственное лечение, и любая болезнь для нее смертельна. Больницы, разумеется, обеспечат ей безболезненную смерть, но на этом помощь заканчивается. Других подозреваемых пока нет. Остальные служители дворца Пин мотивов для кражи не имеют, а лекарства хранились в спальне господина Пина, куда имели доступ лишь он сам, госпожа Пин и Замира. Вам следует вывести девушку на чистую воду и найти украденный препарат. Само лекарство ценности не представляет, так как его производство совершенно недорогое. Ценна именно технология, и она не должна попасть в руки врагов. Вы прекрасно знаете, что перенаселенность – это роскошь, которую мы себе позволить не можем. Просто представьте, что этой технологией овладеют дикари, и, думаю, масштаб задания сразу станет ясен!

– Я вас понял, капитан. Однако хотел уточнить: почему подозреваемая на свободе и почему ее не допросили... эффективными методами?

– Это личная просьба господина Пина. – Цай Лянг пожала плечами. – У него, вполне вероятно, сформировалось особое отношение к своей убожательнице. Он все еще верит, что произошло недоразумение и препарат где-то затерялся. Но дворецкий дома Пин заверил нас, что дронами был переверошен весь дворец.

– Понял. Какие меры можно принять против подозреваемых?

– Хотя мы и имеем дело с представительницей низшего звена нашего общества, но она имеет заметное влияние на одного из самых авторитетнейших и богатых из Избранных нашей провинции, да и всей Империи. Поэтому действовать надо аккуратно. Вызывать ненужный гнев Избранного нам точно не следует. Однако... нужно проучить эту мошенницу! – Глаза Цай Лянг злобно загорелись. – Кража у Избранного – верх нахальства, и не может оставаться безнаказанной, даже если сам Избранный этого не понимает. Постарайтесь вывести ее на чистую воду и отправить в лагерь очень быстро, чтобы у господина Пина не было времени возразить и опомниться. В случае же оказания сопротивления вы можете устранить ее и старуху без решения суда. Господину Пину я объясню все лично.

Ван Ю нахмурился и сжал зубы. Ему еще не приходилось ликвидировать женщин и тем более старух. Надеюсь, за это ему и заплатят солидное поощрение.

– А что делать с господином Пином? – спросил он.

– Не поняла ваш вопрос, старший агент.

– Господин Пин потерял важный медикамент из-за своей халатности. Это может привести к стратегической опасности для всей Империи.

– Не потерял, его обокрали, – поправила его Цай Лянг. – И он является Избранным! К тому же он член комитета по этике. Да даже не будь он членом комитета и потерял бы тысячу препаратов, вы считаете, что у вас есть юрисдикция над Избранным?

– Нет, капитан. – Ван Ю снова поклонился.

– Отлично. Тогда продолжим. Вы прекрасно понимаете, что у вас будет специальное задание, так как я не связалась с вами по коммуникатору. Но это другое задание, не имеющее отношение к лекарствам. – Цай Лянг немного помолчала. Старший агент видел, что его руководителю непросто сообщить о третьей миссии. Но что именно заставляло ее чувствовать себя не в своей тарелке? Для капитана это было очень необычно.

– У господина Пина есть двоюродный брат, господин Мин, которому, как и его жене, более ста лет, но они захотели завести ребенка. Разумеется, госпожа Мин не способна выносить его сама, несмотря на свою внешнюю молодость. Для этого они воспользовались суррогатной матерью. Как и многие другие суррогатные матери, их избранница являлась дикаркой-беженкой. Семья Мин приютила ее и сделала одной из служанок. Девушка с радостью согласилась выносить ребенка, и после рождения ей даже разрешили кормить малыша. Казалось бы, иде-

альная история. Хоть по национальному телевидению показывай! «Дикари тоже люди. Беженка помогла Избранным обрести счастье». Но не тут-то было. Девушка сбежала. С ней бежал один из лекарей, он был в сговоре с беглянкой. И она украла новорожденного ребенка. Благодаря спутникам мы отследили, что беглецы в степи, в одном из кочевий дикарей. Каждый день в таких суровых условиях для ребенка смертельно опасен. Мы не знаем мотивов похитителей, никакого выкупа они не требовали. Наше предположение – дикари заранее задумали похитить ребенка высокопоставленного партийца. То, как она сумела подговорить старого лекаря и сбежать незаметно для охраны, крайне подозрительно.

– Это звучит как миссия первостепенной значимости. Возможно, мне стоит приступить к ней немедленно? – Ван Ю всем своим видом демонстрировал уверенность.

– Нет, старший агент, пока ничего делать не нужно. Над делом уже работают несколько агентов. Армию мы пока привлечь не можем, так как опасаемся, что дикари, почувствовав опасность, могут расправиться с ребенком. Агенты пока прочесывают территорию. Мы ежесекундно мониторим любые передвижения, как вовнутрь, так и из кочевья. Мы дистанционно передали дикарям большие запасы товаров первой необходимости для младенцев. Наверняка эти товары достанутся, в первую очередь, ублюдкам дикарей, поэтому экономить не придется.

– Я не совсем понимаю, капитан. Почему же мне не выступить сейчас? Я могу помочь в разведывательной работе.

– У нас есть причины полагать, что сбежавшая намеренно ребенку не навредит. У нее сложилась некая... связь с младенцем. Возможно, она ввиду своей необразованности считает его своим. Разведка докладывает, что соплеменники приняли девушку обратно. Значит, что ее безопасности непосредственно от них пока ничто не угрожает. Это также подтверждает наше предположение о том, что дикари все продумали заранее. Агентству дан месяц на то, чтобы вернуть ребенка. В противном случае к делу подключится армия. Риски для малыша в этом случае, как вы понимаете, чрезвычайно велики, даже если мы будем максимально использовать дроны. Действующая полевая команда имеет еще неделю на решение этого вопроса. Их цель – проникнуть в деревню и выкрасть ребенка либо попытаться убедить девушку вернуть его. Вероятность летального исхода для них существенна. И тогда...

– ...в дело пойду я, – закончил за начальника Ван Ю. – Будет ли у меня поддержка? Сколько времени понадобится на прохождение инструктажа?

– Ничего этого не понадобится, – тихо сообщила капитан. Старший агент изумленно посмотрел на нее, не веря своим ушам. Что эта женщина задумала? – Ваше участие, Ван Ю, будет совершенно секретным. С подобной секретностью вам сталкиваться еще не приходилось. О вашем участии в операции известно только мне и Верховному агенту. В случае крайней необходимости к операции будет подключен младший агент Чен Тан, который поможет вам с экипировкой. Инструкции вы получите через сверхсекретный канал связи. А теперь главная деталь – для нас не секрет, что вас нередко принимали за одного из дикарей.

– Я имперец, капитан Цай Лянг! Имперец, и вы это знаете! Эти гнусные сплетни вокруг меня не имеют под собой никакой основы! – Он покраснел, на шее вздулась жила. Тон стал заметно выше, чем допустимо в разговорах с начальником.

– Успокойтесь, старший агент. У меня нет никаких сомнений в вашей принадлежности. Вы один из самых верных и эффективных сотрудников в нашем распоряжении. Поэтому я и хочу доверить такое задание вам. Вы *притворитесь* дикарем. Как и любой наш сотрудник, вы в состоянии сносно изъясняться на их языке и понимать его.

– Этого недостаточно, чтобы сойти за них, и к тому же они легко распознают мой акцент!

– Да, это так. Если все пойдет по плану, от вас потребуется лишь слушать. Мы планируем дислоцировать вас недалеко от их кочевья. Вы притворитесь раненым всадником из соседнего племени. Они не могут знать в лицо всех дикарей из других селений. Мы сочиним для вас

правдоподобную легенду, продумаем название вашего племени и имена родственников. Они непременно решат вам помочь и отведут в свое кочевье. Ваша задача – отравить местный колодец неопасными снотворными и вызволить ребенка.

– Почему неопасными? Мы теперь беспокоимся об их жизнях?

– За жизнь ребенка, старший агент. Мать также будет пить воду и затем кормить малыша. Снотворное начинает действовать после активации извне, и мы сделаем это только тогда, когда большая часть мужчин выпьет воды из колодца. Затем спецназ вызволит вас и малыша. Разумеется, более детальный план я предоставлю во время инструктажа. Есть вопросы, старший агент?

– Лишь один: внедрить меня – это была ваша идея или Верховного агента?

– Моя, – твердо ответила Цай Лянг, но тут же отвела взгляд.

– Спасибо за предоставленную информацию и... доверие, капитан. – Он поклонился и вышел из кабинета, закрыв дверь чуть резче обычного.

Покинув Цай Лянг, он задумался. Ему доверят миссию первого уровня! К контрабанде такая миссия отношения не имеет, а это значит, что это прекрасная возможность показать себя как универсального специалиста. Однако не его умения оказались определяющим фактором, а... внешний вид.

Внутри него начал нарастать гнев, но Ван Ю не понимал, на кого он злится. По дороге к рабочему месту увидел свое отражение в металлической двери одного из сейфов. Рыжие волосы, необычно большие нос и глаза, широкие скулы и щетина на подбородке. «Ты весь в деда», – говорил ему в детстве отец. Деда также принимали за чужака?

Ван Ю быстро отвел взгляд от двери и резким шагом продолжил путь к своему столу. Впереди его ждало очень много работы.

Глава 2. Сомнение

Солнце пекло так сильно, что Альтаир не мог смотреть больше пары секунд, и он был вынужден снова уткнуться лицом в землю. И это несмотря на то, что на носу у него красовались очки с темными стеклами – потрясающий подарок от дяди Ахмета, который тот привез из боевого похода.

– На границе с имперцами раздобыл! Их дроны доставляли товары для инженеров, обслуживающих отдаленные фермы. Мы сумели перехватить. Там было около двухсот тонн груза. Много лекарств. Много хороших лекарств! Но главное – такой превосходный подарок племяннику. От девчонок не будет отбоя! – дядя хвастался перед родителями Альтаира, когда дарил очки мальчику.

Ребенок почти ничего не понял из сказанного, но так обрадовался, что вот уже четвертый день носил очки, не снимая. Они были широковаты, и каждый раз, когда Альтаир поднимал лицо от земли и снова опускал, они падали вниз. Мальчик к тому же сильно вспотел, волосы слиплись на лбу. Он пролежал так уже минут десять, но игра есть игра. Взволнованный и улыбающийся, он был полностью скрыт от постороннего взгляда высокой травой. Смотрел он в сторону дома – двух соединенных юрт из потертого войлока. Наконец из двери быстрым шагом вышла молодая стройная девушка в простом хлопковом халате. На лице у нее даже отсюда можно было увидеть волнение. Она посмотрела по сторонам, схватилась за голову и начала громко кричать имя мальчика. В ответ тишина. Альтаир был так доволен своей находчивостью, что прыснул от смеха. Чтобы мама его не услышала, ему пришлось плотно закрыть рот ладонями, но из глаз его начали лить слезы. Сдерживаться было невозможно. А голос мамы становился все громче и наконец сорвался на визг. Мама мальчика вдруг резко замолчала. Он слегка выглянул из травы. Мама плакала. Но это были какие-то другие слезы, не такие, как у Альтаира. Неужели она расстроилась? Они ведь очень любили вместе играть в прятки. Женщина вырывала волосы на голове, и лицо исказила страшная гримаса. Мальчику стало страшно. Ему больше не хотелось играть.

– Я здесь, мама, не плачь! Я победил! Смотри, как я хорошо спрятался. Я же тебе сказал вчера ночью, что сегодня мы будем играть в прятки и что я обязательно выиграю! – Альтаир бежал к дому на всех парах, придерживая падающие на нос очки. По дороге он споткнулся и упал, но уже через несколько секунд попал в объятия матери. Она крепко сжала его и стала целовать его макушку. Мама дрожала и не успокаивалась. Вслед за ней расплакался и мальчик. Так продолжалось несколько минут, пока оба, наконец, не успокоились. Затем мама взяла его за плечи, осмотрела с головы до ног на предмет ран или ушибов. И вдруг ударила его по щеке! Это был несильный и нерезкий удар, но от неожиданности Альтаир раскрыл рот и проронил удивленное «За что?». Она никогда раньше не поднимала руку на мальчика, и он не понимал, как на это реагировать.

– Как ты мог убежать? Как ты мог лежать в траве, пока я тебя зову, так долго? Я ведь думала, что потеряла тебя. Но я не могу представить такое, не могу!

Альтаир все еще не понимал, что происходит. Он со вчерашнего дня продумал, где спрячется, и представлял, как обрадуется мама, когда поймет, какой он изобретательный.

– Мама, мы же договорились. Вчера. Когда ты меня укладывала спать. Я тебя спросил, можно ли завтра с тобой поиграть в прятки, и ты кивнула. И только что, когда ты сидела и о чем-то говорила с незнакомой тетей у нас дома, я тебе сказал, что ты ищейка, а я заяц, и побежал сюда.

Женщина в недоумении смотрела на сына. Она несколько раз кивнула и попыталась улыбнуться.

– Я тебя просто не расслышала, дорогой. Ты хотел поиграть в прятки. Но нельзя убежать так далеко от дома. Вот смотри, – она взяла с земли камень и швырнула. – Это граница, запомни. Нельзя убежать дальше. Понял? – мальчик кивнул.

– С папой мы всегда убегаем далеко-далеко, когда играем. И он разрешает мне прятаться там, где захочу. – Альтаир был обижен на мать. – Эта тетя в доме говорила про папу. Когда он приедет? Я хочу к папе!

Женщина продолжала через силу улыбаться, но на самом деле не могла выдать из себя ни слова. Погладив по голове сына, успокоившись, она через силу, произнесла:

– Папа на небе, сынок. Он смотрит на тебя оттуда.

Мальчика это привело в еще большее недоумение. Он не понимал, когда папа научился летать и зачем ему это понадобилось.

– Это как? Как птица? Когда он вернется? Я тоже смогу летать?

Мама продолжала гладить сына.

– Тебе это сложно понять сейчас. Когда тебе будет лет десять, я тебе все хорошо объясню. Пока ты должен понять, что папа уехал далеко-далеко. К плохим людям... которые хотели навредить нам и нашим людям. Папа защитил нас, но самому выбраться у него не получилось. И он уснул.

– Давай его разбудим!

– Это другой сон, Альтаир. От такого не просыпаются. Но папина душа воспарила в небо, и теперь живет там. Он видит нас сейчас и ему хорошо. Папа гордится тобой. Однажды и мы с ним воссоединимся.

Мальчика наполнил ужас. Он не хотел ждать, хотелось увидеть отца сейчас, сию минуту!

– Когда? Когда, мама?!

Он снова разревелся, но мама не стала с ним плакать.

– Нескоро, дорогой, но это обязательно произойдет. А пока ты должен стать настоящим мужчиной, теперь ты – самый большой и сильный в нашей семье. Будешь защищать меня и бабушку с бабушкой, как папа! А мы всегда будем с тобой!

– Всегда? Ты не улетишь на небо, как папа? Ты останешься? Обещаешь?

– Обещаю, малыш.

Они крепко обнялись, но мальчик продолжал плакать. Больше ему совершенно не хотелось играть в прятки.

Ван Ю открыл глаза и резко поднялся с кровати. Сердце бешено стучало, дыхание сбилось. Щеки были мокрыми от слез. Он присел, попытался успокоить дыхание – не получалось: «Возможно, у меня паническая атака. Такого раньше со мной не происходило, нужно быстро что-то предпринять». Он побежал на кухню и достал регуляторы эмоций.

Кроме Избранных и агентов благополучия, все остальные жители Империи обязаны принимать определенную дозу регуляторов ежедневно. Они уменьшали негативные эмоции, такие как: уныние, гнев и отчаяние, но повышали спокойствие, осторожность и сдержанность. Ван Ю запил двумя стаканами воды несколько доз спокойствия. Открыл окно и высунул голову: «Ни о чем не думать. Это просто сон». Старший агент сел на пол в позе лотоса, выпрямил спину и стал медленно дышать, пытаясь ощутить каждый вдох и каждый выдох. Почувствовал, что пульс замедляется. Ван Ю не прекращал дыхательное упражнение еще около десяти минут. Он сумел полностью отрешиться от посторонних мыслей. Закончив упражнение, замерил пульс и, убедившись, что тот в норме, медленно встал с пола и сел на единственный в квартире стул.

Теперь, со спокойной головой, он сможет обдумать и проанализировать свой сон. Это были дикари. Сомнений быть не может. В таких грязных, убогих хижинах никто другой жить не мог. Голые степи, палящее солнце, запах лошадей – все это казалось настоящим. Особенно запах, он даже сейчас чувствовал его.

И вдруг все тело Ван Ю пронзил страх, такого ощущения он не помнил с детства! Мысль о том, что он – один из лучших агентов провинции – мог оказаться потомком дикарей, парализовала. Наконец, когда эмоции утихли, старший агент стал искать в себе рациональное объяснение.

Он был единственным ребенком относительно пожилой, в момент его рождения, пары. Родители были одними из последних в провинции настоящими преподавателями в школе. Их уволили в тридцатом году от создания Империи, когда Ван Ю было одиннадцать лет, а еще через три года был уволен последний учитель-человек во всей Империи. У него уже с девяти лет преподаватели были виртуальными. Они выглядели гораздо счастливее и красивее его родителей.

Еще до увольнения дела у семьи шли далеко не лучшим образом, а после автоматизации пришлось совсем туго. Климатические изменения в Империи в те годы достигли разрушительных масштабов, едва ли не сопоставимых с Великим Хаосом одиннадцатого года до создания Империи. Даже с помощью все более совершенного искусственного интеллекта и новейших дронов центральная сельскохозяйственная система Империи не могла прокормить всех жителей. Семье Ван пришлось настолько туго, что однажды отец втайне раздобыл на черном рынке семена и стал выращивать во дворе какие-то питательные культуры. За это он получил сто ударов плетью от агентов благополучия и больше закон не нарушал.

Родители его были бедными и жалкими, но добрыми и честными людьми. Заводить второго ребенка правительство запретило, своего единственного сына они любили всем сердцем до самой смерти. Ван Ю спросил бы их о своем сне, но оба они скончались с разницей в полгода. В том же году Ван Ю поступил в Академию безопасности. У него никогда не возникало сомнений в своих родителях, не было их и сейчас.

Однако сон о дикарях был вполне реалистичен. Такие сны были проявлением настоящих воспоминаний либо результатом работы отдела по борьбе с инакомыслием. Этот отдел был нелюбим и пользовался дурной репутацией в агентстве. Используя свои методы, сотрудники этого отдела были способны вселить в голову человека любую мысль, изменить память или управлять снами. Даже внутри самой секретной государственной структуры эти ребята имели особый статус, и никто толком не знал, чем они ежедневно занимаются, поскольку сидели в подземных этажах офиса и отчитывались напрямую Императору.

Ван Ю знал как минимум одного агента, в голову которого вселились «иные», как их прозвали коллеги. Тот бедолага был шпионом и два года провел за пределами Империи, где-то на территориях завоевателей. По возвращении в провинцию его заподозрили в недозволенных мыслях и порывах. Ван Ю помнил, как тот агент говорил, что видел странные сны, стал рассеянным и забыл многое из того, что произошло на чужбине. На протяжении следующих двух недель подозреваемый продолжал вести себя странно, а Ван Ю и многим другим запретили проводить с тем агентом любые длительные беседы. За две недели бывший шпион превратился в совершенно другого человека. Он не то что бы стал покорнее или спокойнее, он стал совершенно другим, как будто в его тело поселили чужой разум. Манера разговора, повадки, мимика – изменилось все. Постепенно память к нему вернулась, но он никогда не говорил о своей поездке. Он продолжает работу в агентстве, но уже в архиве.

Такой участи себе Ван Ю точно не желал. Однако предотвратить манипуляции со своим разумом он также не мог, так как не имел представления, как работают иные. Говорить об этом ни с кем нельзя, поскольку любое внедрение и происходит в режиме абсолютной секретности. Все, что он мог сделать, это стараться быть более бдительным и тщательно следить за тем, где находится и что потребляет.

– Служитель, который сейчас час? – спросил Ван Ю, обращаясь в пустоту.

– Четыре часа двадцать три минуты, – ответил голос виртуального помощника, раздавшийся в комнате.

– Кажется, я выспался. Подготовь мне одежду на сегодня. Гражданскую.

Несколько дронов взлетели и приступили к глажке его одежды. Как учили его в агентстве, никогда не переживать об угрозах, которые невозможно обнаружить либо предотвратить. Вместо этого нужно сфокусироваться на следующей миссии. Именно это Ван Ю собирался сделать. Он решил принять душ и умыться, и заодно расспрашивал виртуального помощника.

– Расскажи мне о гражданине Фене. Место проживания, возраст, увлечения, необычные особенности – хочу знать о нем все.

– Фен Лю. Семьдесят два года. Рост сто шестьдесят пять сантиметров, вес пятьдесят пять килограммов. Я загрузил его трехмерные изображения в ваш коммуникатор. Он живет в десятом секторе, на восьмьсот пятьдесят шестой улице, в доме номер шестьдесят семь. Живет один. Вдовец. Госпожа Фен умерла во время великой смуты две тысячи пятьдесят второго года по старому летоисчислению, через два года после создания Империи. Из-за информационного вируса, поразившего все системы Империи в том году, детали ее смерти неизвестны, и Лю ими ни с кем не делился. Является неблагопристойным гражданином третьей категории. Никогда ни в каких противоправных делах замешан не был и антиимперских взглядов открыто не выражал. Однако у агентства нет сомнений, что таковые взгляды у него имеются. Лю – бывший танцор балета и неоднократно выезжал на территорию завоевателей. Его покойная супруга также была человеком искусства и подозревалась в приверженности к либеральным идеям. Разумеется, как и любой неблагопристойный гражданин, он на особом наблюдении у агентства.

– Круглосуточное наблюдение и никаких доказательств контрабанды? Он что, невидимка?

– Уже несколько лет гражданин Фен рисует. Он выставляет картины напоказ во дворе своего дома, а также приводит соседей и друзей в квартиру, где демонстрирует любимые работы, которые прячет от солнца. В доме есть несколько слепых зон. Ему неоднократно пытались установить там камеры, но он замечал их и как бы невзначай прикрывал большими картинами. Окна в доме постоянно закрыты, никаких щелей ни для новых камер, ни для дронов в квартире нет. Остаются только камеры в общих комнатах, обязательные для всех жителей. Агенты проводили беседы с посетителями выставок Фена, а также с ближайшими соседями. Никаких противоречий в их показаниях не обнаружено. Все они уверяют, что Лю – добропорядочный господин и картины его прославляют Империю и нашего Императора. Единственную зацепку агентам удалось получить через шестилетнего мальчика. Выходя из квартиры Лю вместе с матерью, он спросил ее, можно ли почитать книжку, которую ей вручил добрый дедушка. Женщину немедленно задержали для допроса. Она все опровергала и утверждала, что мальчик еще маленький и не отличает картины от книг, и к тому же видел всего лишь пару книг в своей жизни. Все вещи женщины были досмотрены, но ничего подозрительного обнаружено не было. На данный момент это все, что имеется на гражданина Фена. Более подробно описано в досье.

– Отлично. И теперь агентству нужен сотрудник, который не выглядит как большой злой верзила, по которому за километр понятно, что он не гражданский. Работа несложная. Проникнемся в доверие к старику и выведем его на чистую воду.

Ван Ю закончил гигиенические процедуры и надел одежду, приготовленную для него дронами: старую потрепанную хлопковую рубашку и широкие мешковатые брюки.

– Ну что же, времени терять не будем. Приступим прямо сейчас же. Фен дома?

– Да, хозяин. Он готовится к очередной выставке. Она откроется через три часа.

– Раз уж я так рано проснулся, то успею ознакомиться с досье и, может, даже успею к самому началу выставки.

Ван Ю сел за стол, и перед ним появились голограммы с досье на подозреваемого. Он стал внимательно читать детали его биографии и рапорты агентов.

– Так, давай-ка взглянем на его окружение. Есть что-то интересное? Кажется, есть... – старший агент говорил то ли с виртуальным помощником, то ли сам с собой. Он прошел по

нескольким ссылкам и рассматривал фотографии различных людей. – Вот это, кажется, интересно! Так, а теперь покажи мне камеры наблюдения возле дома Фена! – Начав смотреть прямую трансляцию, он заметил одного примечательного человека и увеличил на нем изображение. – Вот это удача. Он сегодня на месте. Значит, должно сработать.

Затем он зашел по еще нескольким ссылкам и продолжал читать данные в течение двадцати минут. В голове сформировался четкий план.

– Ну, это будет даже легче, чем я думал! Возможно, я даже закрою дело сегодня и смогу приступить к бабке с лекарствами.

Он отключил голограммы и выскочил из дома. Ван Ю не взял с собой ничего лишнего. Он старался казаться настолько простым, насколько это было возможно. Лишь коммуникатор, который всегда при нем, и миниатюрный пистолет с резиновыми, но при выстреле с близкого расстояния смертельными пулями. Ван Ю направился к ближайшей станции метро, и через полчаса путешествия в бесшумной и прохладной капсуле был на месте.

Десятый сектор. Один из самых неприглядных и бедных районов провинции. Он почти полностью состоял из двадцатипятиэтажных серых жилых зданий. Даже по меркам провинции Каспий тут было очень мало зелени, коммунальных объектов и удобств. Мужчина шел около десяти минут до дома номер шестьдесят семь, но не увидел ни одного дерева. Сектор имел лишь обязательные в соответствии с государственными стандартами удобства: небольшие детские площадки, три школы, скамейки и автоматы по раздаче закусок и напитков. Улочки были очень узкие, так же, как и тротуары. Так как на дворе еще было раннее утро, по улочкам вперемишку ездили грузовые машины и низко летали дроны, которые доставляли жильцам стандартный рацион товаров, начиная от подгузников и детского питания, заканчивая мебелью для тех, у кого она не подлежала ремонту.

Многие жильцы уже вышли на улицы и направлялись к станции, чтобы отправиться погулять в центральных районах провинции и поглазеть на достопримечательности или посетить парки. Почти никто в этом районе не работал и классифицировался по третьей категории, что означало, что местные жители не представляли ценности для Империи: ни культурной, ни какой-либо другой. Эти люди принадлежали к низшему сословию в государстве и не обладали привилегиями, как и более двух третей жителей Империи.

Однако, в отличие от десятого сектора, большинство других секторов обычно состояли из представителей всех трех категорий, и «трешки» косвенно пользовались привилегиями высших сословий. Так в провинции проживали все три класса, кроме, разумеется, Избранных. Оттого десятый сектор, который был одним из самых старых в провинции и исторически никогда не имел людей первой или второй категории, казался старшему агенту удручающим. «Зато они все имеют доступ к образованию, медицине, имперской сети и прочим достижениям цивилизации. Наверняка большинство завоевателей и прочих иноземцев о таком и мечтать не могут», – подумал Ван Ю.

Наконец, достигнув дома шестьдесят семь, такого же серого здания, как и прочие вокруг, он нашел близлежащий автомат, купил фруктовый мармелад из тофу и банку холодного чая со вкусом женьшеня и присел на одну из десятка стоявших в ряд скамеек. Ссутулившись и закинув ногу на ногу, он, громко чавкая, стал жевать свою еду.

Большинство скамеек рядом было занято. Ван Ю был уверен, что многие из этих людей также ждут открытия выставки. Закончив трапезу, он отрыгнул и начал громко распевать: «В каждой деревне, на каждой ферме, будит жителей утром петух! Навоз в квартире, плесень на стенах, и с этих стен смотрит Винни-Пух!». Ван Ю громко расхохотался. Он продолжал смеяться около минуты, затем закашлялся, успокоился и снова соорудил невозмутимое лицо. Окружающие люди смотрели на него со смесью ужаса и веселья.

Ван Ю было тоже крайне весело – они принимали его за идиота или душевнобольного. Таких граждан обычно помещают в центры душевного спокойствия либо лагеря перевоспитания. Там их проверяют. Если врачи убедятся, что такой индивид не является оппозиционером, радикалом, шпионом, маньяком или прочим субъектом, представляющим опасность для общества, его или ее обычно отпускают. «Клоунов, шутов и комиков у нас давно запретили. Пусть хоть эти чудаки развлекают зевак», – сказал ему как-то один из коллег. Люди, однако, опасались находиться возле «чудаков» и либо сторонились их, либо притворялись, что их не видят. Вот и сейчас половина сидящих рядом встали со своих скамеек и пересели подальше. Другая половина якобы на него не обращала внимания, но внимательно слушала, что он скажет дальше.

– Да, да! Бегите, бегите! Думаете, я очередной псих? Нет, я сын Дин Циу, одного из самых знаменитых режиссеров на заре Империи. Все вы его знаете, все вы его любили. Или ваши отцы любили. А потом отец исчез! Знаете, куда? Я тоже не знаю. Никто не знает. Вышел утром на работу и больше его никто не видел. А «Винни-Пух» – это один из его фильмов, который он снял к концу своей карьеры. Взял иностранный фильм и переснял его на наш имперский лад. Люди были в восторге! Сплетники говорят, что из-за этого фильма он и пропал. С чего они вообще такое взяли, вот чудаки! А в деревнях до сих пор висят плакаты и постеры у детей с Винни-Пухом. Я про это и спел. А что вы так все поразбежались? Что Винни-Пух – это табу какое-то? Он с кем-то связан? – и старший агент снова расхохотался.

Еще больше людей отсело подальше или удалилось, но один пожилой человек долго внимательно смотрел на Ван Ю и затем подсел к нему на скамейку.

– Благополучия вам! Меня зовут Бао... Просто Бао. – Старик протянул руку. Ван Ю пожал ее. – Очень интересную историю вы рассказываете. Я бы не стал так громко об этом кричать, хотя это ваше дело, конечно. – Старик говорил очень тихо, в противовес грубому и хамоватому тону, которым ему ответил Ван Ю.

– Да уж точно, это не ваше дело! Отлично провожу время, вас что-то не устраивает? Вы что, из этих, – Ван Ю начал делать странные движения руками, – из агентов? Я вас не боюсь! Уже сто раз допрашивали. Крепкие ребята, большие ребята, но я тоже не промах!

– Нет, нет, я не агент. Я... Вы ведь еще не представились.

– Дин Тао, сын Дин Циу. Единственный сын, к большому сожалению, моего покойного отца!

Старик Бао внимательно смотрел на незнакомца.

– Что вы делаете здесь, Дин Тао? Да еще и в такую рань?

– Говорят, тут старик Фен Лю какие-то свои работы представляет. Художником, видишь ли, заделался. Отец говорил, что балерун он был сносный. Хочу глянуть, как он освоил новое ремесло. Думаю, что он дилетант! Я ведь сам художник. Рисовал так, что сам смотритель сектора просил мои картины. А потом случилось, – Ван Ю развел руками в стороны, – вот это все. Не могу я рисовать бетон и железо.

– Вы знакомы с господином Лю лично?

– Да, но он, наверное, меня уже и не помнит. Маленький был, это было немного позже пропажи отца. Навещал меня в приюте несколько раз. Потом я подрос, начал рисовать, но старого Лю больше не видел. Затем... угодил в пару учреждений, о которых говорить не хочу. Ну и вот теперь я снова артист, творец и сам себе хозяин.

– Бедный мальчик... – прошептал старик. – Послушайте, господин Дин Тао, кажется, нам есть что обсудить. И вам с господином Лю тоже. Не хотите ли стать почетным первым посетителем сегодняшней выставки?

Бао встал, Ван Ю подскочил вслед за ним.

– А почему бы и нет? Думаю, я заслуживаю права взглянуть на его каракули раньше этой толпы неучей. А вы его что, лично знаете?

– Пройдемте со мной.

Старик молча повел старшего агента внутрь здания на глазах изумленных наблюдателей. Они зашли в лифт и направились на шестнадцатый этаж. Лифт был плохо освещен и настолько низок, что Ван Ю пришлось пригнуться и слегка согнуть колени. Двигался он медленно, а внутри него смешались запахи различных специй, вареного риса и пота.

– Не хотел этого говорить на улице, но я младший брат господина Лю. Талантом обделен и всего лишь помогаю брату. И еще... Я тоже знал вашего отца. Не близко, он ведь был звезда, но мы несколько раз обедали в кругу общих знакомых.

До этих слов Ван Ю весело улыбался, что-то насвистывал и покачивался на месте, насколько это позволял лифт. Но после слов старика его лицо застыло, а затем стало серьезным. Он ничего не говорил, пока они не подошли к двери квартиры Фен Лю. Перед тем как войти внутрь, старший агент резко развернулся и очень близко подошел к старику. Тот попятился.

– Зачем вы меня привели сюда так рано, до открытия? Вы работаете на агентство? Вы чего-то от меня хотите? Я сказал все, что знал на ваших бесконечных допросах! Если это ловушка, учтите, я не посмотрю на то, что вы старик!

Фен Бао стал размахивать руками.

– Нет, нет, что вы, господин Дин, ничего подобного! Никакого отношения к агентам я не имею. Я их прези... Я не поклонник насильственного метода решений вопросов. Можете не сомневаться, я не агент и не пытаюсь вас обмануть. Давайте, познакомлю вас с братом, надеюсь, что у него есть что-то, что вызовет в вас теплые воспоминания об отце. Прошу, проходите. – Бао открыл дверь перед Ван Ю и жестом пригласил пройти.

Старший агент боязливо взглянул внутрь квартиры и медленно зашел. Тут же его нос почувствовал неприятный смрад сырости, пыли и старой мебели. Квартира выглядела на первый взгляд именно так, как старший агент ожидал: низкие потолки, малое количество мебели, которая была сделана из дешевого пластика и была очень потрепана, тусклое освещение. Однако, пройдя в главную комнату, Ван Ю заметил, что тут было две спальни вместо положенной одной, и в целом площадь была больше стандартной для жителей десятого сектора. «Видимо, он получил ее от государства еще до смерти жены, и после ее кончины никто не удосужился лишить его лишней спальни. А ведь это недобросовестный гражданин, черт побери! Но очень скоро ему придется спать в гораздо менее просторных условиях», – подумал старший агент.

Он и старик находились в центре зала, перед глазами предстало по-настоящему необычное зрелище. Вся комната была вдоль и поперек увешана картинами различных размеров. Ван Ю даже не мог бы сказать, какого цвета тут были стены – так плотно висели картины. Как он и ожидал, окна заклеены газетой, а на потолке висела самодельная люстра из трех проводов и ламп.

– Вот, вот она! – Фен Бао был взволнован. – Вот выставка моего брата. Осматривайте пока картины, а я его сейчас позову. – Он удалился в одну из спальных комнат.

Ван Ю абсолютно не разбирался в искусстве, но решил осмотреть картины. Большинство изображали природу: горы, степи, озера, леса и даже крупных животных, которых в провинции почти не осталось. Видимо, старик Фен периодически уезжает на окраины провинции и пишет свои картины там. Возможно, там он и сбывает нелегальный товар? Были тут и картины с изображением людей.

Ему бросился в глаза портрет губернатора Фу. Губернатор стоял, подняв руки к небу, а на заднем фоне можно было увидеть огромную толпу, собравшуюся выслушать речь. Нарисовал его старик Фен очень похоже, но было в картине что-то такое, что старшему агенту не понравилось. Губернатор был изображен моложе своего нынешнего возраста лет на двадцать, но в том возрасте он еще не возглавлял провинцию. Кроме того, Фен Лю изобразил его внешне привлекательным, а такие эксперименты с внешностью губернатора не допускались. Двойной

подбородок почти не заметен, щеки не такие округлые, как у оригинала, а брови, наоборот, более густые. Затем Ван Ю обратил внимание, что люди на заднем фоне также были выше, крупнее, счастливее и одеты лучше, чем большинство настоящих жителей провинции. Если бы это был обычный художник, Ван Ю подумал бы, что это заурядное приукрашивание, которое, по сути, необходимо художникам, не желающим попасть в лагеря перевоспитания за свои работы. Но это был необычный художник. Старший агент чувствовал, что Фен Лю пытался скрытно насмеяться над губернатором.

Ему стало интересно, он решил осмотреть другие картины, но тут в комнату вернулся Бао, а вместе с ним в белом вымазанном красками халате еще один старик.

– Вот он, брат Лю. Это тот самый мальчик нашего дорогого Дин Циу, про которого я говорил. Хотя он уже, конечно, далеко не мальчик.

Старик Лю выглядел гораздо старше и более изможденным, чем брат. На голове торчало всего несколько волосинок. Лицо было изрезано морщинами. Рука дрожала, когда он протянул ее для рукопожатия. Как он еще умудряется ею что-то рисовать?

Ван Ю улыбнулся, поздоровался со стариком и сказал:

– Неплохо для новичка. Я так тоже рисовал в школе. Талант у вас есть.

Старик громко расхохотался.

– А язык у тебя такой же острый, как у отца, вот только внешне ты совсем не похож ни на него, ни на мать. Какой-то ты больно высокий. – Ван Ю не мог прочесть по взгляду старика, подозревает ли он что-то или пытается так начать беседу.

– Спасибо большое за такие теплые слова. Что моя мать, что отец были любимы публикой и друг другом явно не за их внешность. Они были бы рады услышать, что их дитя выросло не похожим на Квазимодо. Вы ведь, наверное, слышали про такого?

– Я просто рад, что ты вырос, что ты здоров и стоишь тут передо мной! – с этими словами старик его обнял и продолжил дрожащим голосом. – Я знал тебя, мой мальчик. Я не думал, что ты все еще помнишь, но рад, что меня тоже не забыл. Я был очень близок с твоим отцом. И с твоей мамой. Замечательные люди. – Фен Лю немного отодвинулся назад, чтобы лучше разглядеть Ван Ю. – Ты так изменился, так вырос. Расскажи, что с тобой было. Как ты жил все это время?

Старший агент крепко схватил старика за предплечья, а затем медленно оттолкнул от себя.

– Я думаю, если бы вы по-настоящему ценили моих родителей, то, наверное, поинтересовались, хотя бы раз, о моем местопребывании. До исчезновения отца все вы, друзья и родственники, были рядом с нами и часто нас навещали. Но после пропажи отца все неожиданно исчезли. Никого не было рядом, когда меня отдавали в приют, и никто ни разу не пришел меня навестить. Да, смотрительницы говорили, что вы пару раз навещались, но встретиться со мной лично не удосужились. А было мне всего двенадцать. Я чудом выжил и чудом не лишился ума, хотя сказать, что смог его сохранить целиком, тоже не могу, – Ван Ю покрутил пальцем вокруг виска.

Пока он произносил эту речь, он все дальше отодвигался от старика и холодно на него смотрел. Каждое слово произносилось медленно и с укором. Это подействовало. Фен Лю открыл рот, и лицо исказила гримаса боли.

– Мой мальчик, ты имеешь полное право упрекать меня и всех нас, друзей твоих родителей. Вряд ли ты меня простишь, но я втайне пытался узнать о тебе и помочь, насколько это было в моих силах. Знаю, что тебе пришлось очень нелегко и что после окончания школы при приюте тебя поместили в учреждение. После этого я ничего уже не мог узнать. Ты ведь... Как ты выбрался? Ходили слухи, плохие слухи, что ты скончался.

– Я живее всех живых. Один хороший друг из приюта оказался не таким уж хорошим и донес на меня властям, обвинив в радикальных мыслях. Вот тогда я и угодил в лагерь пере-

воспитания. Я бы рассказал вам, дорогой господин Лю, о том, как провинившихся там перевоспитывают, но, боюсь, у вас сердце не выдержит. – Фен Лю крепко ухватился за стоявший неподалеку стул. – В конце концов, эти изверги промыли мне мозги, да так, что я затем угодил в центр душевного благополучия. Там условия были получше, но регуляторами пичкали, как рисом. Не у всех сердце выдерживает такие дозы. Я видел, как умирают старики, женщины и подростки. Оттуда, наверное, и пошли слухи. В конце концов, меня отпустили, решив, что у меня кровь дурная, но опасности я более не представляю. Затем я уехал в провинцию Океания и пожил на море несколько лет. Ловил рыбу, плавал. Кажется, море немного залечило раны. Если вы думаете, что я безумен сейчас... Ох, что бы вы сказали, увидев меня лет десять назад. В общем, я еще немного поскитался по Империи и вернулся назад. Довольно иронично, но когда ты псих, ты можешь путешествовать сколько угодно. Ведь ни жилья, ни имущества у меня не было. Нас ставят в конец очереди на получение жилья. А по всей Империи мне всегда давали приют добрые люди. Кажется, скоро подойдет, наконец, и моя очередь на свою комнату тут, в Каспии. Вот тогда буду жить, как все, в маленькой серой коробке и питаться этой переработанной блевотиной, что вы все едите. Поднимусь по социальной лестнице, в общем! Но что мы все обо мне. Расскажите, дорогой Лю, что за секретность такая, что вы не могли навесить меня лично? Репутацию, наверное, боялись испортить? Понимаю. – Ван Ю улыбнулся.

Лицо собеседника покраснело.

– Нет, совсем не так. Нам запретили. Всем нам. Сказали, что ты должен расти вдали от мерзостных убеждений, которые такие, как мы, тебе бы навязывали. Пригрозили, что если хотя бы раз тебя навестим, нас отправят в...

– Лагеря! – закончил за него Ван Ю. – Ну что ж, лучше пусть туда отправят меня, чем вас, не так ли? Да я не обижаюсь, старик. Все мы просто трусливые обезьянки, и я еще не встречал кого-то, кто бы шел против системы.

В комнате воцарилась тишина. Старик Бао явно нервничал. Он переводил взгляд то на брата, то на стены, где, очевидно, висели камеры. Разговор, который затеял гость, мог как раз с легкостью обеспечить им поездку в один конец, в те самые лагеря. Он положил руку на плечо брату, но тот раздраженно ее откинул. Не дожидаясь, пока Фен Бао попытается образумить брата, Ван Ю продолжил.

– А вы в целом неплохо устроились. Рисуете деревья, собираете поклонников, брат, видимо, за вас всю неблагодарную работу делает и о вас заботится. Не так уж и плохо, черт подери! Примерный гражданин. Буду брать с вас пример.

– Дин Тао! Остановись, пожалуйста! – Фен Лю говорил уже молящим и дрожащим голосом. Он попытался приблизиться к гостю. – Я старый человек. Мне недолго осталось, и свои ошибки прошлого я не исправлю. У меня уже нет сил, как в былые времена, чтобы доказывать свою правоту или невиновность. Да и я сам теперь ни в чем не уверен. С приближением неминуемой кончины я становлюсь менее осторожным и перестаю испытывать страх.

Фен Лю переглянулся с братом. Тот глядел на обоих с застывшим выражением ужаса на лице.

– Обычно мне нужно не менее полугода, – продолжил Фен Лю, – чтобы решиться показать человеку хотя бы что-то. Но перед тобой я чувствую себя обязанным, в память о твоём отце. Пройди, пожалуйста, за мной.

Ван Ю изобразил растерянность на лице и последовал за стариком. Тот повел его в спальню. Фен Бао быстро проскользнул за ними и закрыл дверь за собой. Осмотрев комнату, старший агент понял, почему не удалось установить слежку за старым Лю. В комнате не было абсолютно ничего, кроме одноместной кровати и комода. Окна, как и в зале, были заклеены.

– Я тебе сейчас покажу кое-что, но ты должен знать, что если кто-нибудь об этом узнает, то мне конец. Я жалкий, трусливый человек, но я впервые за многие годы совершу смелый поступок, сделаю то, что считаю правильным. – Старик Лю достал из кармана большой ржа-

вый ключ и сел на корточки. Он стал водить руками по полу, почувствовал неровность и вставил ключ в еле заметную замочную скважину. Ван Ю пришлось сильно наклониться, чтобы получше разглядеть неровность, забитую мелкими опилками. Пол был такой запыленный и грязный, а краска на полу настолько выцветшей, что такую мелкую деталь заметить было нелегко. Старик повернул ключ, и пол начал издавать скрипящие звуки.

– Отойди, мальчик мой! Встань с той стороны. – Ван Ю молча последовал указанию.

Через несколько секунд половые доски поочередно сместились в сторону и сложились в одну аккуратную стопку. Старший агент увидел механизм, который передвигал доски и углубление, забитое картонными коробками. Он раскрыл рот и даже причмокнул от удивления. Он действительно был поражен. Фен Лю, увидев такую реакцию, рассмеялся.

– Все так реагируют в первый раз. Добро пожаловать в мой музей кинематографии и литературы.

– Не фантазируй, дорогой брат. Это всего лишь прокат старых дисков и книг. – Фен Бао заговорил позади брата усталым голосом.

– Возможно, и так, но все эти книги и фильмы запрещенные. Тут есть иностранные экземпляры, как старые, так и относительно новые, а также местные творения периода зарождения Империи. Коллекция невелика, всего лишь около двухсот книг и...

– Как вы их раздобыли? Откуда у вас иностранные книги? Как вы их раздаете под носом у агентов? – Ван Ю был взволнован, даже излишне взволнован, это могло вызвать у стариков подозрение. – Вы чертов сорвиголова! А с виду немощный старик!

Старший агент громко рассмеялся безумным смехом Дин Тао.

– Ничего выдающегося на самом деле тут нет, – спокойно ответил Лю Фанг. – Основную массу книг и фильмов я сохранил еще с доимперских времен. Тогда, в период создания культурного щита, проходила первая волна репрессий неблагопристойных. На первом этапе изымались любые культурные и медиаматериалы, не одобренные Министерством гармонии и благопристойности. В этот список попало все, что не восхваляло империю и имперскую экономическую систему. Жгли и уничтожали миллионы бумажных и электронных книг на любых носителях. Со всех онлайн устройств были вмиг удалены любые подобные материалы. И тогда я, твой отец и еще несколько наших друзей решили припрятать самые знаковые и культовые творения. Для тайника выбрали мою квартиру просто потому, что она была самой старой и неряшливой. Использовали старые автономные дроны, которые лазером выжгли часть бетона, и соорудили вот эту конструкцию. Все было сделано второпях и спонтанно. Но у нас получилось. Тогда это нам еще не казалось чем-то безумным, мы были уверены, что многие жители Империи делают то же самое. Мы втайне пересматривали любимые фильмы. Твой отец, например, любил Тарантино, ему нравились диалоги и кровящице! Хотя ты, я уверен, и не знаешь, кто это такой.

Старик вздохнул и после паузы продолжил.

– Масштабы репрессий мы осознали гораздо позже, когда стали исчезать люди. После этого мы затаились, решили помалкивать о тайнике и, на всякий случай, уничтожили те старые дроны, с помощью которых резали бетон. Знаешь, я настолько испугался, что даже постарался забыть на какое-то время о тайнике. Мы выдали агентам огромное количество других наших коллекций, не имевших особой ценности, и потому нас не трогали. Однако годы спустя они снова начали наведываться, видимо, у них появились подозрения. Небезосновательно, ведь я начал знакомить со своей коллекцией новых людей, и, вероятно, происходила утечка информации. Но это уже были другие агенты, не такие цепкие, как раньше. Боже мой, все стало настолько цифровым, что даже эти кровопийцы перестали видеть простейшие вещи под собственным носом! Они искали мелкие носители, различные вредоносные программы, секретные способы связи с внешним миром. Им и в голову не могло прийти, что кто-то хранит целый склад запретных материалов у себя в подполье!

– Почему же вы вдруг решили открыть свой тайник после стольких лет? – Ван Ю рассматривал коробки на полу. Ему не терпелось открыть содержимое, но торопиться уже не было смысла. Работа была, по сути, выполнена, теперь нужно выудить как можно больше информации.

– Понимаешь, последние годы я не мог больше врать себе, у меня вызывало отвращение собственное отображение в зеркале. Я отвернулся от всего, во что верил и что любил. Друзей потерял. Кто-то, как твой отец, пропал без вести, а с кем-то перестал общаться из-за страха. Остались лишь я и мой брат. Я стал просыпаться по ночам от ужаса. Неужели все будет забыто: творения моих друзей и творения потрясающих талантливых людей, которые были лучше и храбрее меня?! Мне удалось сохранить немного, но для меня это было порталом в прошлое, в мир, связь с которым теперь утеряна. И тогда я решил рискнуть – уже не первый год тайно устраиваю выставки и благодаря этому познакомился с замечательными любознательными людьми. Тем, кому доверяю больше, я даю на время содержимое этих ящичков. Аккуратно вшиваю их в картины таким образом, чтобы моим посетителям было легко извлечь их дома. Удастся передавать и старые проигрыватели, хотя с ними намного сложнее. Приходится специально писать масштабные полотна. Гости также с большими предосторожностями возвращают проигрыватели. В основном приносят с угощениями, благодарят.

– Недавно мне невиданно повезло! – увлеченно рассказывал Фен Лю, совершенно позабыв об осторожности. – Одна молодая девушка пополнила мою коллекцию новыми зарубежными фильмами. Она спортсменка, ездила на всемирные игры и, на свой страх и риск, привезла несколько фильмов на специально зашифрованном носителе.

Услышав это, сердце Ван Ю забилося чаще. Поймать старика – дело неплохое, но разоблачить имперскую спортсменку – это уже большая заявка на повышение! Он с трудом сдержал желание улыбнуться во весь рот.

– Вы молодец, господин Лю. Вы оба молодцы. – Ван Ю взглянул на старика Лю, затем на старика Бао. – Так держать, поделом Империи!

– Я это делаю не ради мести Империи, Дин Тао, а в память о друзьях, культуре и истории, о прошлом. Вот почему я привел тебя сюда! – Фен Лю открыл ножом одну из коробок и достал оттуда маленький электронный носитель. – Здесь, мой мальчик, память о твоём отце.

В комнате воцарилась тишина, и Ван Ю медленно протянул руку и взял устройство. Он изобразил на лице смесь потрясения и благодарности.

– Это «Двадцатый километр» – последний фильм твоего отца. В нем главный герой – житель маленькой деревни, в которой сломался единственный доктор-робот, а его мать лежит при смерти. Ближайшая деревня в десяти километрах, они обещали прислать своего доктора лишь после окончания бури. Тогда мальчик берет снегоход и везет мать в соседнюю деревню. По дороге снегоход застревает в сугробе, последний километр он несет мать на руках. В конце концов он добирается до деревни, и мать спасают. – Старик улыбнулся. – Сюжет этого фильма твой отец взял из реальной жизни, но в действительности молодой человек и его мать сгинули в буре. Однако фильм этот экраны и коммуникаторы не увидел. Отец твой надеялся, что сможет пройти цензуру министерства, но вместо этого они обвинили его в растрате бюджета, а фильм назвали неблагопристойным. Вскоре после этого твой отец исчез.

Снова воцарилась тишина. Все трое мужчин хмуро уставились в пол. Наконец, Фен Лю продолжил.

– Это лишь малая часть того, что я должен был сделать для тебя за все эти годы. Я не жду снисхождения, но хочу, чтобы ты взял этот фильм и посмотрел его. Для твоего отца ты был главный зритель, и если ты согласишься посмотреть этот фильм, значит, он был снят не зря!

Старший агент на секунду представил, что настоящий Дин Тао находится здесь и с трепетом держит в руках последнее творение своего пропавшего отца. Ему на мгновение показалось, что он тоже кого-то искал и кто-то ждет его далеко отсюда. От этой мысли ему стало смешно.

Он крепко сжал в руках носитель. Затем надавил еще крепче и сломал его. Оба старика ахнули от ужаса и удивления.

– Что ты сделал, мой мальчик. Это последний экземпляр! Ты больше никогда не увидишь фильм отца! Никто не увидит!

Ван Ю резко выпрямился, шире расставил ноги и заговорил совершенно иным голосом.

– Господин Фен, к вашему большому сожалению, ни Дин Тао, ни кто-то другой не увидят ни одного фильма и не прочитают ни одной книги из вашей незаконной и провокационной коллекции. Вы и ваши друзья-бездельники долгие годы развращали умы наших сограждан и пытаетесь влиять на умы нового поколения. Но у вас ничего не выйдет. Здесь все будет уничтожено, я лично за этим прослежу.

На стариков было страшно смотреть. На их лицах застыла смесь абсолютного ужаса, шока и безысходности. Они попятились назад от своего гостя и взялись за руки. Фен Лю громко застонал и затем неожиданно разревелился.

– Кто ты такой? Что ты за дьявол? Почему ты делаешь это? – в голосе звучало осуждение и мольба.

– Меня зовут старший агент Ван Ю. – Он достал из кармана пистолет и наставил его на старика Лю. – Никакого отношения к предателю Дин Цию я не имею. Сын его подох, скитаясь по клиникам и лагерям Империи, напичканный регуляторами. Так он вас и не дождался. – Ван Ю ухмыльнулся. – Я получил тут гораздо больше информации, чем рассчитывал, и, надо же, никаких пыток! И вы, и ваш брат получите билет в один конец, в самый суровый лагерь перевоспитания. Теперь у вас будет достаточно времени для воспоминаний, для ностальгии по друзьям и старым временам. Вслед за вами отправятся ваши новые приятели, все до одного. Вы вряд ли увидите, поскольку будете сидеть в разных изоляторах. Да, даже если увидите, узнать друг друга будете не в состоянии. И их детей отправят в приюты. Но больше всего вы порадовали вестями о предательнице, которая смеет представлять нашу великую Империю на спортивной арене и при этом мечтает о жизни с завоевателями. Не беспокойтесь, мы легко ее вычислим. Ей достанется больше всех. По сравнению с ней вы еще легко отделались, так что не унывайте. А теперь мордой в землю! – резко закричал Ван Ю.

От неожиданности оба старика вздрогнули. Фен Бао стал медленно сползать на пол, но его брат неожиданно прыгнул в тайник и стал беспорядочно перебирать коробки.

– Стоять, сволочь, стрелять буду! – Ван Ю не отводил ствол пистолета от старика Лю.

– Только не без нее, только не без нее. Вот она, вот она! – Старик лихорадочно бормотал под нос, схватив и крепко прижав к себе одну из коробок.

– Поставь на место! На место, я сказал! – повторил Ван Ю, но Фен Лю отрицательно мотал головой и не отпускал коробку. – Считаю до трех! Один! Два!

– Нет, Лю! – раздался истошный крик брата.

Ван Ю выдержал паузу, прежде чем закончить смертельный отсчет, и злобно посмотрел на Фен Лю. Старший агент почувствовал, как на лбу выступил пот, а правая рука задрожала. Ван Ю поразился самому себе: он не мог вспомнить, когда в последний раз колебался во время исполнения задания. Его охватило замешательство, он опасался, что преступники почувствуют его слабость и, что самое страшное, коммуникатор зафиксирует учащение пульса и отправит эту информацию в агентство. Вытерев пот со лба рукавом, он выкрикнул:

– Я не шучу, старик! Брось коробку, и лечь на землю!

Фен Лю еще крепче сжал коробку. При этом его тело содрогалось в конвульсиях. Казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Старик очень медленно опустил на колени, но неожиданно замер, посмотрел сначала на старшего агента, затем на окно, заклеенное старой газетой. По его безжизненному лицу потекли слезы. Он взглянул на брата, тихо прошептал «прости» и метнулся к окну, не выпуская из рук коробку.

– Три! – Прозвучал выстрел. Фен Лю громко упал на пол, коробка выпала из рук, ее содержимое раскрылось. Это были фотографии молодой женщины, журнал, пару носителей и книга. В комнате раздался пронзительный и невыносимый крик Фен Бао.

– Заткнись, старик, а то будешь следующим! – яростно прорычал Ван Ю, наведя пистолет на второго преступника.

Он глубоко дышал, чтобы вернуть себе самообладание. Затем поднял книгу. Ее залило кровью, но он смог прочитать заголовок «Процесс. Ф. Кафка».

– Что это, старик? – Тот не отвечал, продолжая завывать и громко причитать.

Ван Ю несколько раз настойчиво повторил свой вопрос.

– Память! Это память о его жене, – наконец произнес Бао. – Ее фотографии, видео, дневник и последняя книга, которую она читала перед смертью.

Он продолжал реветь, забившись в угол. Ван Ю медленно отвел пистолет. Он остро ощущал запах крови, зашел в ванную и стал тщательно мыть руки. Посмотрел на висевшее над раковиной маленькое грязное зеркало. В отражении он видел вспотевшее и растерянное лицо. Глаза покраснели, а губы слегка посинели. Никогда с тех пор, как его назначили старшим агентом, ему не приходилось видеть себя в таком состоянии.

Фен Лю знал, что умрет. Он попрощался с братом и попытался выброситься из окна. Думал ли он, что Ван Ю выстрелит? Неважно. Так или иначе, он предпочел смерть пребыванию в лагере перевоспитания.

Старший агент включил коммуникатор и вызвал подкрепление. «Нужна полная зачистка. Один подозреваемый жив, другой убит при неподчинении». Когда он вернулся в комнату, старик Бао так и сидел в углу, плакал, закрыв лицо руками. Ван Ю молча встал рядом. Прошло несколько минут, и в дверь постучали. Прибыл отряд зачистки.

– Ты... не сопротивляйся. Правильно сделал, – обратился к старику Ван Ю. – Так бы и подох, как твой брат. Я сообщу в рапорте, что ты был соучастником, а не организатором и что подчинился приказу. Возможно, ты избежишь изолированной камеры с шоковой терапией.

Старик не реагировал на его слова и продолжал рыдать. Ван Ю посмотрел на него, на труп его брата, лежащий в неестественной позе, на залитые кровью коробки. Перед тем как впустить команду чистильщиков, он повернулся к Фен Бао и сказал:

– Не сопротивляйся и делай все, что они говорят. Так все закончится быстрее, и ты окажешься в своей камере.

Не дождавшись ответа, он открыл дверь, впустил чистильщиков и вышел из квартиры.

Обратный путь показался ему более быстрым. Когда Ван Ю выходил из капсулы, на коммуникатор пришло оповещение: «Ваш индекс благопристойности увеличился на ноль целых пять сотых балла в связи с успешно выполненным заданием! После более детальной проверки ваших действий индекс может измениться. Вы сделали жизнь в Империи более безопасной и благопристойной. Выражаем благодарность от имени Императора!».

Неожиданно для самого себя он поймал себя на мысли, что не почувствовал прилива эйфории, как это бывало раньше, когда ему повышали индекс.

– Более безопасной и благопристойной. Безусловно, – проговорил он шепотом, поднимаясь по лестнице из подземки.

Глава 3. Отвращение

Он шел по темному, сырому, бесконечно длинному коридору. Через каждые полтора метра на потолке висели старые вакуумные лампы, которые больно слепили глаза, приходилось отводить взгляд к полу. Мысленно он удивился, что такие лампы еще существуют, наверное, их используют, чтобы произвести гнетущее впечатление на тех, кого вели этим коридором. К тому же они висели настолько низко, что приходилось пригнуться, чтобы не задеть их головой. Впереди и позади него шли двое мужчин в форме и с электрошокерами в руках. По обеим сторонам коридора ряды пронумерованных металлических дверей.

«Номер четыреста двадцать один», – почему-то подумал он про себя. Идти ему было тяжело, у него болели конечности и живот, словно его безжалостно избили. Руки были не связаны, но на кистях багровели следы от наручников.

Судя по погонам, оба сопровождавших его военных были сержантами, но звезды на погонах и форма были давно устаревшими и не применялись в армии уже лет двадцать. Хотелось остановиться, отчитать солдат за непригодную форму, пригрозить им наказанием, но тело не повиновалось, хотя он чувствовал каждую его часть. Стало страшно, он почувствовал, как сильно забилося сердце. Еще раз оглянулся по сторонам и наконец догадался: «Нет! Это точно сон. Больше меня ни иные, никто другой не смогут заставить поверить в реальность снов и, тем более, бояться их».

Ван Ю был старшим агентом благополучия – это элита среди служащих в Империи. Осознавать, что он находится во сне, и контролировать свои сновидения, было для него сущим пустяком, за исключением прошлой ночи. Он полностью отдавал себе отчет в том, что грезит, но изменить свой сон все же не мог. Значит, это была работа иных, догадался он. Подобные сны отличались от обыкновенных. Стало даже любопытно увидеть, чем же закончится. Он попытался ускорить сон, как это делают с видео, но мысленные усилия были тщетными.

«Ну что же, раз я нахожусь в некоем фильме, так тому и быть», – решил он.

Они дошли наконец до конца коридора и остановились у металлической двери, такой же, как и все остальные. Один из солдат достал большой ржавый ключ и со скрежетом открыл ее.

– Входи, постоялец триста двадцатый, – сказал второй солдат и подтолкнул его.

Ван Ю пригнул голову и прошел в раскрытую дверь. Комната оказалась неожиданно огромной, площадью не менее четырехсот квадратных метров. Потолки такие же низкие, как в коридоре, стены окрашены в ярко-оранжевый цвет, а полы были застелены салатным покрытием. Вся комната заставлена одноместными партами, и за ними, сложив руки, сидело около ста человек разных возрастов: старики, дети, подростки, но большинство составляли люди тридцати – сорока лет. Взгляд Ван Ю поймал девочку с виду не старше трех лет. Она сидела так же смиренно, как и все остальные. По обе стороны от нее сидели мужчина и женщина, и Ван Ю подсознательно надеялся, что это ее родители. Все слушали пожилого седого мужчину в военной форме, который расхаживал по комнате и читал лекцию. Голос его был резким и неприятным, внушающим тревогу присутствующим в зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.